

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.04

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Якушевич Ирина Викторовна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

sa1107@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

Аннотация. Статья посвящена номинациям птиц в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» — компонентам орнитологического кода. Понятие «культурный код» рассматривается как система вербальных знаков, орнитонимов. Цель исследования — соотнести символическое значение орнитонимов в славянском языческом и христианском мировоззрении с их авторской интерпретацией и доказать системность и целостность орнитологического кода в романе. Означающее «А» такой системы — текстовая тематическая группа из 84 словоформ с общей семей 'птицы'. Включены названия 17 видов птиц (в том числе и в качестве ресторанных блюд). Означаемое «Б» символической системы — два основных в славянской языческой и христианской символике значения: 1) 'птица как дух зла, смерть' и 2) 'птица как душа человека, сам человек'. В христианской традиции большинство видов пернатых относятся к нечистым птицам (грач, ворона, воробей, сова, попугай) и поэтому имеют inferнальное значение атрибутов сатаны и его свиты, а также всего, что связано с миром мертвых. Чистые птицы (курица, петух, ласточка, голубь) чаще всего отражают духовный мир героев. Если означающее — это орнитоним, то означаемое — слово, словосочетание или даже предложение из ближайшего контекста, содержащее общекультурное значение. Единицей анализа является парадигма, состоящая из означающего в определенном эпизоде романа и его означаемого в ближайшем контексте. Означаемое актуализируется культурной (христианской, биографической) коннотацией как самих орнитонимов, так и декодирующих их символику слов. Большое значение для актуализации символического значения имеют метафорические эпитеты и градационные ряды.

Ключевые слова: орнитоним, культурный код, означающее, означаемое.

Для цитирования: Якушевич, И. В. (2023). Орнитологический код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 38–54. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.04>

Original article

UDC 811.161.1'373.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.04

ORNITHOLOGICAL CODE

IN M. A. BULGAKOV'S NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA»

Irina V. Yakushevich

Moscow City University,
Moscow, Russia

sa1107@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

Abstract. The article considers the nominations of birds in the novel by M. A. Bulgakov «The Master and Margarita» regarded as components of the ornithological code. The concept of «cultural code» is seen as a system of verbal signs, ornithonyms. The purpose of the study is to correlate the symbolic meaning of ornithonyms in the Slavic pagan and, above all, in the Christian worldview with their author's interpretation and to prove the consistency and integrity of the ornithological code in the novel. The signifier «A» of such a system is a textual thematic group of 84 wordforms with a common «bird» seme. The names of 17 bird species are included (along with the titles of restaurant dishes). The signified «B» of the symbolic system is two main meanings in Slavic pagan and Christian symbolism: 1) «bird as the spirit of evil, death» and 2) «bird as the soul of man, man himself». Most species of birds belong to unclean birds in the Christian tradition (rook, crow, sparrow, owl, parrot) and therefore have an infernal meaning of Satan's attributes and his retinue, as well as everything connected with the world of the dead. Pure birds (chicken, rooster, swallow, pigeon) most often reflect the spiritual world of the characters. If the signifier is an ornithonym, then the signified is a word, phrase, or even a sentence from the nearest context containing a general cultural meaning varied by the author in one way or another. The unit of analysis is a paradigm consisting of the signifier in a certain episode of the novel and its signified in the immediate context, for example, «black birds on Patriarch's ponds → Satan». The signified is actualized by the cultural (Christian, biographical) connotation of both the ornithonyms themselves and the words decoding their symbolism. Metaphorical epithets and gradation series are of great importance for generating the symbolic meaning.

Keywords: ornithonym, cultural code, signifier, signified.

For citation: Yakushevich, I. V. (2023). Ornithological code in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 38–54. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.04>

Введение / Introduction

Согласно исследованиям издательства «Эксмо», проведенным в 2022 году, роман «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова стал самым популярным произведением школьной программы. Несмотря на многочисленные филологические исследования, интерес к роману не иссякает: обращение Булгакова к фантастике и библейскому сюжету требует сложного поликультурного знания

символических смыслов. Данное исследование посвящено системе символов-орнитонимов, встречающихся в романе. Под орнитонимом (от *греч.* *ornis* — птица) мы понимаем слова или словосочетания, которые служат для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц (Симакова, 2003, с. 11).

Методология исследования / Methodology

Для лингвистического описания символических смыслов орнитонимов романа мы обратились к термину «культурный код» по нескольким причинам. Во-первых, носителем культурного кода является знак (Гудков и Ковшова, 2007, с. 9), в частности вербальный. В нашем случае — орнитоним. Во-вторых, орнитоним может иметь символическое значение. Это возможно благодаря тому, что слово как знак имеет двойственное означающее: а) звуко- или букворяд слова; б) ментальный образ называемого предмета (Толстая, 2007), обязательно как результат чувственного восприятия (Жинкин, 1964). Такой код С. М. Толстая назвала концептуальным. Именно ментальному образу в контексте языческой мифологии или библейских образов присваивается символическое, или, согласно В. В. Красных, архетипическое значение (Красных, 2001, с. 5). Иными словами, орнитоним становится символом. Его означающее — слово как единство звукобуквенного материального носителя знака и некоего яркого перцептивного образа. Его означаемое — система мифологически переосмысленных абстрактных смыслов, например ‘душа’, ‘смерть’, ‘жизнь’, ‘весть’ и пр. (Якушевич, 2012, с. 12). В-третьих, соло одного символа нельзя назвать кодом (Карасик, 2009, с. 4). Это должна быть обязательно система, связанная не только культурно значимыми в национальном менталитете смыслами, но и авторской интенцией. Детальнее эту систему С. М. Толстая называет рядом, в котором между отдельными элементами существуют определенные отношения (Толстая, 2007).

В качестве такого ряда выбрана текстовая тематическая группа (ТТГ) орнитонимов, встречающихся в романе Булгакова. ТТГ — парадигма слов разных частей речи, имеющих в данном тексте минимум одну общую сему (Новикова, 1985, с. 8–9). Выбор именно этой единицы исследования соответствует двум свойствам культурного кода: системности и гомогенности (Толстая, 2007), обеспечиваемыми всей структурой лексической парадигмы, скрепленной повторяемостью архисемы ‘птица’. Подчеркнем, что ТТГ существует только в рамках текста романа и состоит из слов разных частей речи. Именно поэтому в ТТГ «птицы» мы включили не только орнитонимы-существительные, но и их однокоренные слова других частей речи (в скобках указана частотность слов в тексте романа): птица (12), птичья [лапка] (2), грач (9), воробей (7), воробьиный (1), воробышек (3), петух (7), петуший (1), гусь (7), гуськом (1), ласточка (6), ласточкин (2), курица (6), куриный (4), сова (4), попугай (2), голубь (2), ворона (1), перепел (1), дупель (1), гаршнеп (1), бекас (1), вальдшнеп (1), кулик (1), дрозд (1). Таким образом, языковым носителем орнитологического кода «Мастера и Маргариты» является система орнитонимов-символов. В процессе анализа обозначим их «А». В вертикальном измерении — это ТТГ «птицы». В горизонтальном измерении — это символическое значение («Б») всей лексико-семантической группы в целом и каждого ее члена в отдельности. Означаемое «Б» развернуто в описательных формах разного вида — от слова и словосочетания до сверхфразового единства (Халикова, 2020, с. 52).

Результаты исследования / Results

Символическое значение птицы в языческой и христианской мифологии

В славянской языческой мифологии и библейской образности очевидны два главных символических значения птицы: 1) ‘дух как божество’, 2) ‘человек, его душа’ (Гура, 1997, с. 527; Якушевич, 2019). Первое значение обусловлено причислением птиц к небесному миру. Древние славяне считали, что птицы населяют Вырий (Ирей) — райскую теплую страну, находящуюся за небесным морем. Оттуда весной они возвращаются на родину, принося солнечный свет и тепло, и туда уходят души усопших праведников. Неудивительно, что птица становится символом смерти и бессмертных душ одновременно (Афанасьев, 1994, с. 218, 250).

Как атрибут загробного мира, птица символизирует Божественную сущность вообще. В русской языческой мифологии это славянский бог солнца Хорс, любимым воплощением которого были орел и сокол. Кроме того, в качестве птицы — творца мира — выступал селезень или гоголь, а также любая водоплавающая птица (Демин). С крыльями изображались славянские боги огня — пес Симаргл (Семаргл) и огненная птица Рарог. Крылатыми были южнославянские вилы. По народным поверьям, крылья полагались бесам и ведьме (Славянская мифология, 1995, с. 49, 89). В библейском контексте Бог сравнивается с птицей, прячущей птенцов под крыльями: «Как птицы — птенцов, так Господь Саваоф покроет Иерусалим, защитит и избавит, пощадит и спасет» (Ис. 31:5). С крыльями канонически изображаются ангелы. Во время крещения Иисуса Дух Божий сошел с неба в образе голубя (Райкен и Уилхойт, 2005, с. 226). И в язычестве, и в христианстве все птицы, в зависимости от персонифицированного ими духа, делились на чистых (голубь, ласточка, жаворонок, клест, аист, лебедь и чайка) и нечистых (все врановые, коршун, ястреб, сова, воробей, кулик и др.) (Гура, 1997, с. 528). Последние стали атрибутом дьявола, греха и зла вообще.

Второе значение — метонимия первого: с птицей отождествлялась не только бессмертная душа человека, но и он сам. Так, сравнение человека с птицей встречается в русских пословицах (здесь и далее курсив наш. — *И. Я.*):

Красна и *птица* перьем, а человек — ученьем.

Курица не *птица*, а баба не человек.

Синица не *птица*, прапор не офицер.

Отец твой — чулок (онуча), мать — тряпица, а ты что за *птица*?

(Даль, 200, с. 201, 175, 356)

В русских загадках:

Не княжеской породы, а ходит с короной (*петух*).

Под тыном шла, сто рубах нашла; ветер подул, все рубахи раздул (*курица*).

(Митрофанова, 1987, с. 67)

В современном русском жаргоне много слов, отражающих устойчивое сравнение человека и птицы, например: курица, кукушка, ворона и тетерка (как название женщины), чижик (‘молодой солдат’), грач (‘летчик’), баклан (‘хулиган’), снегири (‘юные регулировщики в красно-белой форме’), канарейка (‘футболист команды «Нант»’) и др. (Минеева 2019, с. 330–331).

Человек сравнивается с птицей и в Библии. Например, в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова читаем: «Как охотничья *птица* в западне, таково сердце надменного» (Сир. 11:30). В романе есть похожая фраза про Иуду, у которого за секунды до смерти *сердце* (Б) стало прыгать, как *птица* (А) под черным покрывалом (Булгаков, 2022, с. 306). Другое библейское высказывание «как птица, покинувшая гнездо свое, так *человек*, покинувший место свое» (Притч. 27:8) также имеет аналог в романе: «Сонная и странная *личность* [Б] улетела из дому, как *птица* [А], не оставив по себе никакого следа» (Булгаков, 2022, с. 289). Обратимся к символическому значению отдельных лексем, словосочетаний.

Птица

Черные птицы на Патриарших прудах → ‘**дьявол, смерть**’. Черные птицы — грачи, вороны, частично сороки — традиционно относились к нечистым птицам. Трудно сказать, какие черные птицы летали на Патриарших прудах над Воландом в тот момент, когда он сообщил Берлиозу о предопределенности его смерти: «иностронец... прищуренными глазами поглядел в небо, где <...> бесшумно чертили *черные птицы* [А], — что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила» (Там же, с. 29). Черные птицы материализуют не только эти слова Воланда, но и озвученное ранее предсказание гибели Берлиоза, которое и есть означаемое этого символа: «Вам отрежут голову!» (Б) (Там же). Обратим внимание на языковую игру, основанную на созвучии трех слов — *черт*, *черный* и *чертили* (Поздняева, 2007, с. 186). В романе, кроме птиц на Патриарших, черный цвет характеризует грача-шофера и уличных ворон.

Птичья лапа → ‘**демон**’. По мнению М. Орлова, чье издание 1904 года Булгаков, несомненно, читал, сатану выдавали руки, напоминающие птичьи лапы (Орлов, 1991). Такая лапа в романе появляется дважды. Первый раз — в описании встреченной профессором Кузьминым «сестры милосердия», в которую превратился Азazelло: «Денежки я приберу, — мужским басом сказала сестра, — нечего им тут валяться. — Сгребла *птичьей лапой* [А] этикетки и стала таять в воздухе» (Булгаков, 2022, с. 218). Символическое значение ‘демон’ разбросано в виде алогичных для облика женщины деталей: она говорила *мужским басом* (Б), у нее был *мужской, кривой, до ушей, с одним **клыком*** (Б) рот и *мертвые* глаза (Б). Вероятно, в птичьем облике Азazelло есть отголоски славянского ветхозаветного апокрифа об Аврааме, к которому дьявол Азazelл (почти как Азazelло) пришел в образе нечистой птицы и стал его искушать: «Что тебе, Авраам, на высотах святых, в них же не едят, не пьют; несть в них пища человека, вси си огнем поядают и покаляют тя» (Вишневская, 2004).

Второй раз птичьи лапы фигурируют в описании канделябра Воланда: «Перед кроватью стоял дубовый на резных ножках стол, на котором помещался канделябр с гнездами в виде когтистых *птичьих лап* [А]. В этих семи золотых лапах горели толстые восковые свечи» (Булгаков, 2022, с. 250). Как и грязное белье на кровати (Орлов, 1991), два канделябра, с когтистыми лапами и со змеями, являются атрибутами черной мессы. Это золотые семисвечные меноры, которые, как и звезды Давида, относятся к древнейшим символам иудаизма, упоминаемым в Библии,

атрибутам храма (Исх. 25:31–40). Первая менора была дарована Богом Моисею во время его путешествия по пустыне. По форме светильник напоминал разветвленное дерево — растение израильской пустыни моиоу. Изображение когтистых лап на меноре, по сути, кощунство, и именно эта деталь меняет атрибут Мессии на атрибут сатаны. Означаемое этого символа — перифраза, возникающая не сразу, а по мере перемещения взгляда Маргариты по комнате: тот, «кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших прудах убеждал в том, что дьявола не существует [Б]» (Булгаков, 2022, с. 250).

Хищные птицы на Лысой горе → ‘наказание зла’. «Тела Дисмаса и Гестаса с выклеванными хищными *птицами* [А] глазами подняли и тотчас же бросились на поиски третьего тела» (Там же, с. 318). Выклеванные глаза разбойников — несчастная деталь: нечистые хищные птицы, атрибуты зла в Библии, часто символизировали наказание свыше и были зловещими предвестниками грядущего суда (Иер. 12:9; Ос. 8:1). Именно заслуженность наказания Дисмаса и Гестаса хотел подчеркнуть Афраний в беседе с Пилатом.

Молчание певчих птиц → ‘казнь’. «Он заснул, и последнее, что он слышал наяву, было предрассветное щебетание *птиц* [А] в лесу. Но *они вскоре умолкли* [А], и ему стало сниться, что солнце уже снижалось над *Лысой горой* [Б], и была эта гора оцеплена двойным оцеплением...» (Булгаков, 2022, с. 177). В Библии музыка и пение (как человека, так и птиц) считались достойным выражением любви к Богу (Исаия 12:2; Пс. 106: 22; Пс. 125:2 и др.). Прекращение пения означало отсутствие Бога, а в романе стало предвестником страшного события — распятия Христа в главе «Казнь».

Домашние птицы → ‘женщины’. «Его превосходительство / Любил *домашних птиц* [А] / И брал под покровительство / *Хорошеньких девиц!!!* [Б] (Булгаков, 2022, с. 141). Слова этого марша недвусмысленно намекают на амурные похождения Аркадия Апполоновича Семплиярова, потребовавшего во время сеанса магии в театре Варьете ее разоблачения. *Хорошенькие девицы*, начинающие актрисы, были немедленно разоблачены Фаготом: это Милица Андреева Покобатько и дальняя родственница из Саратова, проживавшая в квартире с Семплияровым. Упоминание о птицах в марше — аллюзия к известному в Москве водевиллю «Лев Гурыч Синичкин». При чем птичья фамилия не только у главного героя пьесы, но и у ее автора — Дмитрия Воробьева (Вишневская, 2004).

Грач

Грач-шофер → ‘демон’. Черный цвет птицы акцентируется внутренней формой всех представителей врановых, к которым относится и грач: ворон от и.-е. корня *ueг ‘жженный, обгоревший, черный’ (Черных, 1991, с. 166). В народном сознании все врановые ассоциировались с ночным периодом суточного цикла, когда солнце сгорало и открывался мир мертвых. Поэтому основное символическое значение грача в русской языческой мифологии — смерть и потусторонний мир (Гура, 1997, с. 536).

Природа грача-шофера антропоморфна: он *в клеенчатой фуражке и в перчатках с раструбами*. Как и Бегемот, грач — демон, причем на сходство сущности этих персонажей указывает сравнение Бегемота с грачом: *черный, как сажа или грач*. Выбор именно этого вида врановых неслучаен: вероятнее всего, во времена Булгакова, как и сейчас, *грачами* называли таксистов, официально или нелегально занимающихся извозом (Словарь современной лексики..., 2014). Кроме антропоморфного облика грача-шофера на его связь с потусторонним миром недвусмысленно указывает кладбище, где грач высадил «ни о чем не спрашивающую Маргариту *возле одного из надгробий* [Б] вместе с ее щеткой, *грач* [А] запустил машину, направив ее прямо в овраг *за кладбищем* [Б]» (Булгаков, 2022, с. 246). По расположению в районе Дорогомилово, обрывистому и овражистому берегу Москвы-реки узнается Дорогомиловское кладбище. Оно было одним из последних, уничтоженных согласно плану антирелигиозной кампании 1920–1930-х годов, когда разрушали не только церкви, но и погосты — место отправления культа. Кладбища переносили на новые территории, но удалось сохранить далеко не все могилы, а только известных людей. Большая часть захоронений оказывалась затоптанной и преданной забвению. Вот почему приговоренное к уничтожению в 1939 году Дорогомиловское кладбище, которое, кроме того, в 1770-х годах было организовано как чумное, становится приютом свиты сатаны (Нестеров, 2023).

Грачи во сне Маргариты → ‘сумасшествие мастера’. Во сне Маргариты грачи — в представлениях национальной культуры нечистые птицы — символизируют беду, случившуюся с мастером: «Приснилось это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая *грачей* [А]» (Булгаков, 2022, с. 221). Сон Маргариты провидчески раскрывает место пребывания мастера — клинику Стравинского: «Какой-то корявый мостик, под ним мутная весенняя речонка» (Там же). Именно реку и бор на другом берегу видел мастер за решеткой в окне. Большое значение в суггестии семантики зла имеют слова и предложения со значением отсутствия чего-либо, например *беззвучная стая грачей*, а также троекратно усиленный поток генетивных предложений с отрицательной частицей *ни*: «Ни дуновенья ветерка, ни шевеленья облака и ни живой души» (Там же). Ряд эпитетов: *безрадостные, нищенские (деревья), одинокая (осина)* — усиливает тревожность, заканчиваясь означаемым *адское место* (Б). Нагнетают тревогу и субстантиваты *неживое и унылое*, превращая эпитеты-признаки во всеобъемлющее состояние.

Воробей

Воробей у профессора Кузьмина → 1) ‘дух зла’, 2) ‘одинокость’. Народная мифологическая традиция ставит воробья в один ряд с врановыми как нечистую птицу, в которую вселяется злой дух. Легенды рассказывают о предательстве Христа воробьем: согласно легенде, воробей своим чириканьем выдал преследователям Христа, согласно другой — приносил гвозди во время распятия, согласно третьей — ругался: «Черт возьми», — и издевательски кричал: «Терпи, страдай!» (Гура, 1997, с. 586–587). Кроме того, в языческих славянских верованиях воробей, будучи связанным с аграрным культом предков, был вестником смерти (Тульцева, 1982).

Танцующий фокстрот воробей на столе профессора Кузьмина — зооморфный образ *демона-убийцы* Азазелло: «Паскудный *воробышек* [А] припадал на левую лапку, явно кривлялся, волоча ее, работал синкопами, одним словом, — приплясывал фокстрот под звуки патефона...» (Булгаков, 2022, с. 329). Глаголы, описывающие «паскудство» воробья, выстраиваются в градационный ряд: *припадал (на левую лапку), кривлялся, приплясывал*.

Почему именно ему, а не приговоренному Воландом к смерти от рака буфетчику Сокову явился предвестник смерти? Спектакль с танцующим воробьем, медсестрой с птичьей лапой и пиявками на шее и голове Кузьмина — предупреждение о расплате, которая неизбежно настигнет вымогателя-профессора, ничем не помогшего Сокову. Эпизод с воробьем был продиктован Булгаковым жене 15 января 1940 года, а позже вставлен в роман. В визите буфетчика к Кузьмину отражена собственная встреча с нефрологом М. С. Вовси, который лечил смертельно больного Булгакова от нефросклероза и однажды бестактно и нарочито громко заявил, что пациент умрет через три дня (хотя прожил еще семь месяцев). Писатель был расстроен, разозлен и даже взбешен таким неэтичным поступком. «Пройдет время, и над нашими терапевтами будут смеяться, как над мольеровскими врачами», — писал Булгаков в письме к своему киевскому другу А. Г. Гдешинскому (Лескис и Атарова, 2023). Появление такой детали, как пиявки, тоже неслучайно: они указывают на грех Кузьмина, поскольку в разговорной речи пиявками называют тех, «кто живет за счет чужого труда, ведет паразитический образ жизни» (Евгеньева, 1999).

Если в Библии птица, которая в природе живет в стае, упоминается отдельно от нее, то она символизирует одиночество, например: «Не сплю и сижу, как *одинокая птица* на кровле» (Пс. 101:8). В толковании этого псалма епископ Ириней указывает не просто на малую птицу, а на воробья (Толкования Священного Писания, 2010–2023). Одиночество профессора Кузьмина угадывается в нескольких, на первый взгляд, незначительных деталях. Первая деталь — *котенок-сирота*. Означаемое ‘одиночество’ выражено эпитетом *сирота*. Вторая деталь — искушение профессора женщиной, пробегавшей через двор в одной рубашке. Мысль о женщине издевательски трансформируется в образ уродливой медсестры. Добавим, что функцию хозяйки в особняке выполняет старая нянечка Ксения Никитишна и что ночью у постели на Кузьмина *соболезнующе* глядел специально приехавший друг, профессор Буре, а не кто-нибудь из близких, например дочь, в чьей комнате заиграл злополучный фокстрот (Булгаков, 2022, с. 218).

Воробей (воробьи) над головой Воланда на Патриарших прудах и на Воробьевых горах → ‘дьявол’. Как и черные птицы над Воландом во время беседы на Патриарших прудах, воробей также имеет inferнальное символическое значение: «Нету никакого *дьявола* [Б]! — ...вскричал Иван Николаевич не то, что нужно... Тут безумный расхохотался так, что из липы над головами сидящих выпорхнул *воробей* [А]» (Там же, с. 60). Если появление **воробья** на Патриарших прудах спровоцировано хохотом Воланда, то на Воробьевых горах перед отлетом сатаны и его свиты — свистом Бегемота: «Конь ее взбросился на дыбы, в роще посыпались сухие сучья с деревьев, взлетела целая стая *ворон* и *воробьев* [А]...» (Там же, с. 363). Отметим, что слово *ворона* употребляется в романе только один раз именно в этом контексте и в совокупности с воробьями символизирует нечистую силу.

Сова

В Библии сова относится к нечистым животным, способным видеть и летать ночью. Интересно, что в одних библейских переводах птица названа совой, а в других — *lilit*, ночной ведьмой (Ис. 34:14). Слово происходит от *аккад.* *lilitu* ('бес') (Райкен и Уилхойт, 2005, с. 59, 620). В языческой символике появление представителей семейства совиных означает смерть. Более того, в разных фольклорных текстах сова в загробном Вырии — судья всех птиц, которые должны ей отчитаться о своих добрых и злых делах (Гура, 1997, с. 568–569).

Маргарита в сравнении с совой → 'смерть'. В мысленном монологе в Александровском саду Маргарита сравнивает себя с совой: «Почему я сижу, как сова [А], под стеной одна? Почему я *выключена из жизни?* [Б] (Булгаков, 2022, с. 224). Словосочетание *выключена из жизни* недвусмысленно вносит значение смерти, что подкреплено контекстом: а) Маргарита думает о своем сне, согласно которому мастер умер («Значит, ты был сослан и умер» (Б)); б) движется процессия похорон Берлиоза («медленнодвигающаяся *похоронная* [Б] новенькая открытая машина, на ней *гроб* [А] весь в венках»); в) в мыслях Маргарита готова отдать душу дьяволу (Ах, право, *дьяволу* [Б] бы я заложила душу, чтобы только узнать, жив он или нет?») (Булгаков, 2022, с. 224).

Сова в комнате Воланда → 1) 'смерть', 2) 'Маргарита'. В романе сова — один из атрибутов квартиры № 50. Во время визита буфетчика Сокова «из соседней комнаты влетела большая темная птица и тихонько задела крылом лысину буфетчика. <...> птица оказалась *совой* [А]» (Там же, с. 211). Чуть позже от Коровьева гость услышит, что «*умрет он* [Б] через девять месяцев, в феврале будущего года, *от рака печени* [Б]» (Там же, с. 212).

В другом эпизоде сова не просто атрибут нечистой силы, а двойник самой Маргариты: «Маргарита сидела, заткнув пальцами уши, и глядела на *сову* [А], дремавшую на каминной полке. Кот выстрелил из обоих револьверов, <...> убитая *сова* [А] упала с каминной полки и разбитые часы остановились» (Там же, с. 276). Неслучайно в обоих эпизодах сова соседствует с часами — символом времени и человеческой жизни. Для Маргариты, чей земной путь в следующий вечер прекратится, сова и остановившиеся часы символизируют смерть.

Вернемся к одной из библейских номинаций совы — *lilit* («ночная ведьма»). Определение как нельзя лучше характеризует главную героиню романа. Кроме того, в славянской языческой мифологии сова — символ женского одиночества, безбрачия и бездетности (либо внебрачного материнства). *Одиночество*. Именно это слово передает первое впечатление мастера от встречи с героиней: «И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем невиданное *одиночество* в глазах!» (Там же, 2022, с. 148). Это значение поддерживается маленьким эпизодом полета Маргариты, когда четырехлетнему мальчику в квартире Латунского она рассказала сказку о себе: «И у нее *не было детей* и счастья вообще тоже не было» (Там же, с. 240).

Перепел, дупел, гаршнеп, бекас, вальдишнеп, кулик, дрозд

Дичь в Грибоедове → ‘душа грешника’. Названия блюд из дичи реализуют антропоморфное эсхатологическое значение ‘души писателей’. Ресторан «Грибоедов» в контексте романа приобретает значение ‘ад’: «Словом, ад [Б]. И было в полночь *видение в аду* [Б]» (Булгаков, 2022, с. 76). Инфернальное символическое значение подкреплено двумя деталями: а) оркестр играл один и тот же фокстрот — «Аллилуйя» — и в «Грибоедове», и на балу у сатаны, причем в обоих случаях ровно в полночь; б) описание блюд «Грибоедова» приходится на Страстную неделю, когда требовалось соблюдать строгий пост.

Курица

Жареная курица → ‘Поплавский’. Как и танцующий на столе профессора Кузьмина воробей, весь эпизод с жареной курицей из чемодана дяди Берлиоза, приехавшего занимать его квартиру, — предупреждение о наказании. Сначала, рыдая, Коровьев подчеркнуто детально рассказал о том, как именно трамвай раздавил Берлиоза: «Начисто! Я был свидетелем. Верите — раз — *голова прочь* [Б]! Правая нога — *хрусть, пополам!* Левая — *хрусть, пополам!*» (Там же, с. 204). Затем Азazelло отрывает курице ногу, обгладывает ее и швыряет вслед за Поплавским, спущенным с лестницы. Семантический параллелизм связывает два предложения о дяде и о курице: «*Поплавский* [Б] полетел вниз по лестнице, держа в руках паспорт. Мимо него пропрыгала безногая курица [А] и свалилась в пролет...» (Там же, с. 206). И рассказ Коровьева и обглоданная куриная нога — угроза быть убитым, как Берлиоз. Именно это понял Поплавский, торопясь на вокзал.

Петух

Петух → ‘исчезновение нечистой силы’. Языческая славянская символика чистой птицы петуха неотделима от семантики огня, солнца, предвестником восхода которого и является крик птицы. Петуху в народе приписывалась роль прогнать нечистую силу (Славянские древности, 2009, с. 28–29). В романе он появляется дважды. Первый раз — когда горластый дрессированный петух (А), приготовленный к программе в Варьете, спас Римского от ведьмы Геллы и вампира Варенухи: «С третьим криком петуха она *повернулась и вылетела* вон [Б]. И вслед за нею, подпрыгнув и вытянувшись горизонтально в воздухе, напоминая летящего купидона, *выплыл* [Б] медленно в окно через письменный стол Варенуха» (Булгаков, 2022, с. 165). Второй раз петухи возвещают Маргарите об окончании бала сатаны: «Ей показалось, что кричат оглушительно петухи [А], что где-то играют марш... Толпы гостей стали терять свой облик [Б]» (Там же, с. 270). Означаемое в обоих фрагментах выражено глаголами со значением исчезновения, причем сверхъестественного: *Гелла вылетела, Варенуха выплыл, мертвецы стали терять свой облик*.

Ласточка

Ласточка → ‘душа Пилата’. Ласточка — традиционный языческий и христианский символ человеческой души (Гура, 1997, с. 629) и, кроме того, очень частотен в русской поэзии XIX–XX веков (Федотов, 2019). В романе полет ласточки символически иллюстрирует то, как меняется решение Пилата о казни Иешуа. Сначала, поговорив с Га-Ноцри, Пилат не находит в действиях проповедника вины. И в этот момент «в колоннаду стремительно влетела ласточка [А]» (Булгаков, 2022, с. 40). «Смертный приговор Га-Ноцри... *прокуратор не утверждает* [Б]» (Там же, с. 41). Ласточка — душа самого Пилата, и это решение приносит ему облегчение: М. А. Булгаков использует эпитеты *светлая* и *легкая* (голова). Одна маленькая деталь вносит культурную коннотацию в лексическое значение слова ласточка: «Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо» (Там же). Именно упоминание о гнезде отсылает читателя к библейской идее о Божественном Промысле и правильности действий Пилата: «И птичка находит себе жилье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих, у алтарей Твоих, Господи сил...» (Пс. 83:4). Далее ласточка демонстрирует неудовольствие, когда прокуратор *удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению* (Б): «Крылья ласточки [А] фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю» (Там же). Олицетворяющие глаголы *фыркнули* и *метнулась* подчеркивают символическое значение птицы как души. Третий раз ласточка влетает, когда Пилат объявил, что утверждает смертный приговор: «Бешеным взором проводил ласточку [А], опять впорхнувшую на балкон» (Булгаков, 2022, с. 45). Эпитет *бешеный* указывает на разлад прокуратора со своей душой-ласточкой. Возвращение птицы может быть также связано с языческой славянской приметой о влетающей в жилище ласточке, которая предвещает смерть — смерть Иешуа.

Голуби

Голубь — ‘оплакивание смерти Иешуа’. Голубь — чистая птица, и в Библии имеет множество символических значений (об этом см.: Филиндаш, 2019). Одно из них — оплакивание, скорбь: «тосковал как голубь» (Ис. 59:11); «стонем, как голуби» (Иез. 7:16; Наум 2:7). Со времен Авраама **голубь** — жертвенная птица (Быт. 15:9): если в жертву всеожжения приносились птицы, ими должны были быть горлицы или молодые голуби (Райкен и Уилхойт, 2005, с. 225).

Как и ласточка, голуби в романе связаны со страданиями Иешуа и появляются дважды. Первый раз, когда Крысобою увел подсудимого в сад, чтобы ударить бичом. В эту минуту была такая тишина, что «слышно было, как ворковали голуби [А] на площадке сада у балкона, да еще вода пела замысловатую приятную песню в фонтане» (Булгаков, 2022, с. 34). Означаемое передано предложением о реакции наказанного на боль: «ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обессмыслились [Б]» (Там же, с. 36). Интенсивность испытываемой боли передана глагольными словосочетаниями-метафорами, которые выстраиваются в градационный ряд действий, следующих друг за другом и передающих, как болевой шок накрывает Га-Ноцри: *подрубили ноги / захлебнулся воздухом / краска сбежала / глаза обессмыслились*.

Второй раз голуби оплакивают уже смерть Иешуа все на той же самой площадке у фонтана: «Фонтан совсем ожил и распелся во всю мочь, голуби [А] выбрались на песок, гулькали, перепрыгивали через сломанные сучья, клевали что-то в мокром песке» (Булгаков, 2022, с. 294). Означаемое возникает чуть позже в беседе с Афранием: «Вы сами установили, что *смерть* [Б] пришла? — Прокуратор может быть уверен в этом» (ссылку).

Гусь

Гусь → ‘человек’. Большинство словоупотреблений существительного *гусь* в романе реализует антропоморфное символическое значение птицы: «нам понятно, что вы за *гусь*» (об обычном коте, пойманном в поезде) / «вот прицепился заграничный *гусь*» (Бездомный о Воланде) / «вытянув шею, как *гусь*» (о секретаре во время допроса Иешуа) / «*гуськом*... побежали продавцы» (в Торгсине) (Там же, с. 374, 25, 39, 343).

Попугай

Попугай → **болтовня, подражание демону**. В христианской традиции попугай — амбивалентный символ. С одной стороны, названный еще в XIII веке райской птицей, попугай стал атрибутом рая, Девы Марии и даже Христа (Donald, 2010, с. 180). С другой стороны, умение подражать человеческой речи сделало эту птицу символом искушения и бессмысленной болтовни, поскольку попугай повторял слова Змея-искусителя, склонявшего людей потакать желаниям плоти (Gabrielle, 2006, с. 155). В романе попугаи — бальное украшение Бегемота: «Красногрудые зеленохвостые *попугаи* [А] перепархивали с лианы на лиану и оглушающе кричали: “*Я восхищен!*” [Б]» (Булгаков, 2022, с. 259). Если райский попугай традиционно приветствовал Деву Марию (*Ave!*), то попугаи на балу Воланда, по природе черной мессы, приветствовали грешников-мертвецов, повторяя слова демона-Бегемота.

Заключение

Подведем итог. Орнитологический код романа — это хорошо продуманная символическая система. Означающее этой системы — ТТГ, которая включает в себя 84 словоформы, называющие 17 видов птиц (в том числе и номинации блюд в «Грибоедове»). Большинство видов относятся к нечистым птицам (грач, ворона, воробей, сова, попугай) и поэтому имеют inferнальное значение атрибутов сатаны и его свиты, а также всего, что связано с миром мертвых. Чистые птицы (курица, петух, ласточка, голубь) чаще всего отражают духовный мир героев. Однако строгой закономерности здесь нет: два основных символических значения: 1) ‘птица как дух зла, смерть’ и 2) ‘птица как душа человека, сам человек’ — варьируются автором как в связи с чистыми, так и в связи с нечистыми птицами. Означаемое — собственно

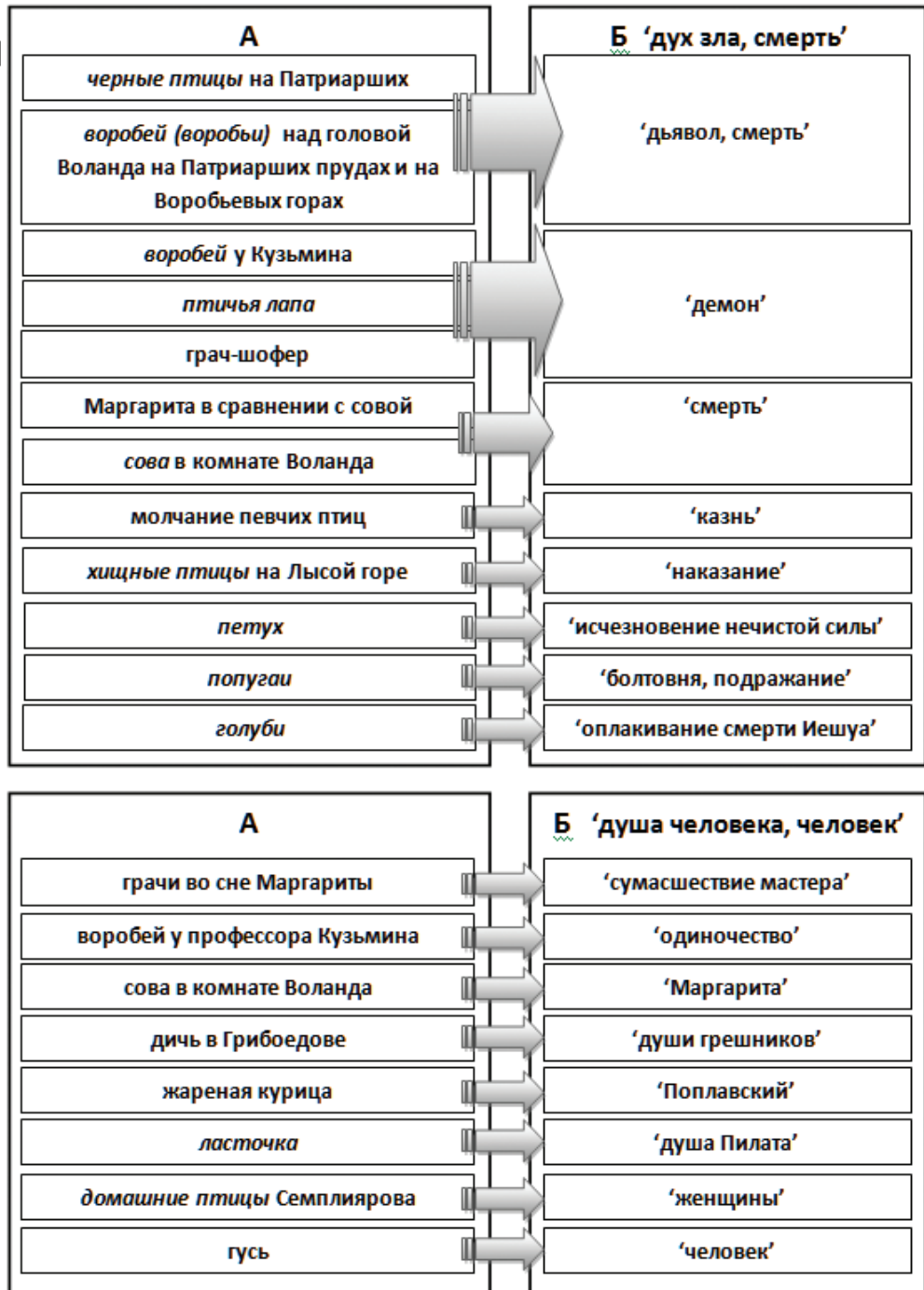

Рис. 1. Блок-схема символической системы орнитологического кода в романе «Мастер и Margarита»

Fig. 1. Flowchart of the symbolic system of the ornithological code in the novel «The Master and Margarita»

символическое значение орнитонима — актуализируется прежде всего культурной коннотацией как самих орнитонимов, так и декодирующих их символику слов. К примеру, эпитет *хищные* (птицы) подключает библейский контекст к словам Аффания о Гестасе и Дисмасе, а упоминание о гнезде — к рассказу о ласточке и Пилате. Особой христианской коннотацией наделена семисвечная менора. Московская коннотация выражена упоминанием о Дорогомиловском кладбище и о профессоре Кузьмине.

Птичий код в романе добавляет много звука (о звуковых образах птиц см.: Казмирчук, 2022): и означающее, и означаемое большинства орнитонимов имеют сему слуховой перцепции: воробей на Патриарших прудах — смех Воланда, как и стая черных птиц — слова Воланда о гибели Берлиоза; воробьи и вороны на Воробьевых горах — свист Бегемота; пение петуха; воркование голубей в саду около дворца; танец воробья под фокстрот; болтовня попугаев на балу; выстрел в сову; марш про «птиц» Семплиярова. На рисунке 1 представлена блок-схема символического кода романа с указанием тех персонажей и тех деталей, которые отмечены авторской характеристикой: двадцати орнитонимам-означающим. «А» соответствует только два символических значения, конкретизированных в той или иной мере.

Список источников

1. Булгаков, М. А. (2022). *Мастер и Маргарита*. СЗКЭО.
2. Симакова, О. Б. (2004). *Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков)*. [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел].
3. Гудков, Д. Б., & Ковшова, М. Л. (2007). *Телесный код русской культуры: материалы к словарю*. Гнозис.
4. Толстая, С. М. (2007). К понятию культурных кодов. В Н. Б. Вахтин & Г. А. Левинтон (Ред.). *АБ-60. Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина* (Studia Ethnologica; Вып. 4) (с. 23–31). Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
5. Жинкин, Н. И. (1964). О кодовых переходах во внутренней речи. *Вопросы языкознания*, 6, 26–38.
6. Красных, В. В. (2001). Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Язык, сознание, коммуникация: сборник статей* (ред. В. В. Красных & А. И. Изотов). Вып. 19. МАКС Пресс.
7. Якушевич, И. В. (2012). Структурные модели символа в поэтическом тексте. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 6, 12–15.
8. Карасик, В. И. (2009). Концепт как единица лингвокультурного кода. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 10(44), 4–11.
9. Новикова, Н. С. (1985). Тематическая группа как семантический компонент текста. *Русский язык в национальной школе*, 5, 8–13.
10. Халикова, Н. В. (2020). Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И. А. Бунина. *Вестник МГОУ. Серия «Русская филология»*, 4, 51–59.
11. Гура, А. В. (1997). *Символика животных в славянской народной традиции*. Индрик.
12. Якушевич, И. В. (2019). Птицы: символ, метафора, метаморфоза. *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: коллективная монография*. Книгодел, 307–319. Серия «Природный мир в пространстве культуры».
13. Афанасьев, А. Н. (1994). *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 3. Индрик.
14. Демин, В. (1997). *Тайны русского народа: в поисках истоков Руси*. Вече.
15. *Славянская мифология: энциклопедический словарь*. (1995). Международные отношения.

16. Райкен, Л., Уилхойт, Дж., & Рейд, Д. (Ред.). (2005). *Словарь библейских образов*. Библия для всех.
17. Даль, В. И. (2000). *Пословицы и поговорки русского народа*. Русский язык.
18. Митрофанова, В. В. (1978). *Русские народные загадки*. Наука.
19. Минеева, З. И. (2019). Новые обозначения человека на базе названий птиц. *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке*: коллективная монография. Книгодел, 327–335. Серия «Природный мир в пространстве культуры».
20. Поздняева, Т. (2007). *Воланд и Маргарита*. Амфора.
21. Орлов, М. (1991). *История сношений человека с дьяволом*. АСТ, Terra Fantastica.
22. Вишневская, Ю. (2004). *Булгаковская энциклопедия*. <http://www.vixri.ru/d2/Bulgkovskaia%20enciklopedija.%20M.,%202006.%20356%20s.pdf>
23. Черных, П. Я. (1993). *Историко-этимологический словарь русского языка*: в 2 т. Т. 1. Русский язык.
24. *Словарь современной лексики, жаргона и сленга*. (2014). <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-195-2.htm#zag-1137>
25. Нестеров, А. Н. (2023). *Дорогомилковский некрополь*. <http://ost1000.narod.ru/dorog.htm>
26. Тульцева, Л. А. (1982). Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре). *Обряды и обрядовый фольклор*. Наука, 163–179.
27. Лесскис, Г. А., & Атарова, К. Н. (2023, 20 апреля). *Москва – Еришалаим. Путеводитель по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита»*. <http://m-bulgakov.ru/publikacii/moskva-ershalaim-putevoditel-po-romanu-bulgakova-master-i-margarita>
28. Евгеньева, А. П. (Ред.). (1999). *Словарь русского языка*. Т. 1–4. Русский язык. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
29. *Толкования Священного Писания*. (2010–2023). <https://bible.optina.ru/old:ps:101:08>
30. Толстой, Н. И. (Ред.). (2009). *Славянские древности*: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. Международные отношения.
31. Федотов, О. И. (2019). Ласточка как мифологема души. (Интертекстуальные связи «Ласточек» Ходасевича). *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке*: коллективная монография. Книгодел, 165–180. Серия «Природный мир в пространстве культуры».
32. Филиндаш, Н. Ф. (2019). Образ голубя в сакральной ризнице православия. *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке*: коллективная монография. Книгодел, 424–435. Серия «Природный мир в пространстве культуры».
33. Donald, F. Lach. (2010). *Asia in the Making of Europe. Vol. II: A Century of Wonder*. Book 1: The Visual Arts.
34. Langdon, G. (2006). *Medici Women: Portraits of Power, Love and Betrayal from the Court of Duke Cosimo I*. University of Toronto Press.
35. Казмирчук, О. Ю. (2022). Специфика трактовки образа птиц в стихотворении Ю. Д. Левитанского «Птицы» из поэтической книги «Кинематограф». *Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве*: материалы Восьмых Международных научных чтений. Ч. 1, 65–75.

References

1. Bulgakov, M. A. (2022). *The Master and Margarita*. SZKEO. (In Russ.).
2. Simakova, O. B. (2004). *Lexico-semantic group «Ornithonyms» (based on the material of the Russian and French languages)* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Orel]. (In Russ.).
3. Gudkov, D. B., & Kovshova, M. L. (2007). *The body code of Russian culture: materials for the dictionary*. Gnozis. (In Russ.).
4. Tolstaya, S. M. (2007). To the concept of cultural codes. In N. B. Vakhtin, & G. A. Levinton (Eds.). *AB-60. Collection of articles for the 60th anniversary of A. K. Bayburin (Studia Ethnologica; Issue 4)* (pp. 21–31). Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).

5. Zhinkin, N. I. (1964). About code transitions in internal speech. *Questions of linguistics*, 6, 26–38. (In Russ.).
6. Krasnyh, V. V. (2001). Codes and standards of culture (an invitation to a conversation). *Language, cognition, communication: collection of articles* (Ed. by V. V. Krasnyh & A. I. Izotov). Release 19. MAKS Press. (In Russ.).
7. Yakushevich, I. V. (2012). Structural models of the symbol in the poetic text. *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 6, 12–15. (In Russ.).
8. Karasik, V. I. (2009). Concept as a unit of linguocultural code. *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 10(44), 4–11. (In Russ.).
9. Novikova, N. S. (1985). Thematic group as a semantic component of the text. *Russian Language in the National School*, 5, 8–13. (In Russ.).
10. Khalikova, N. V. (2020). Formal and semantic structure of the artistic image «the wind blows» in Bunin's fiction. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 51–59. (In Russ.).
11. Gura, A. V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Indrik. (In Russ.).
12. Yakushevich, I. V. (2019). Birds: symbol, metaphor, metamorphosis. *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language: collective monograph*. Knigodel, 307–319. Series «The natural world in the space of culture». (In Russ.).
13. Afanas'ev, A. N. (1994). *Poetic views of the Slavs on nature*. Vol. 3. Indrik. (In Russ.).
14. Demin, V. (1997). *Secrets of the Russian people: in search of the Origins of Russia*. Veche. (In Russ.).
15. *Slavic mythology: encyclopedic dictionary*. (1995). Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
16. Rajken, L., Uilhojt, Dzh., & Rejd, D. (Ed.). (2005). *Dictionary of Biblical Images*. Bibliya dlya vsekh. (In Russ.).
17. Dal', V. I. (2000). *Proverbs and sayings of the Russian people*. Russkij yazyk. (In Russ.).
18. Mitrofanova, V. V. (1978). *Russian folk riddles*. Nauka. (In Russ.).
19. Mineeva, Z. I. (2019). New designations of a person based on the names of birds. *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language: collective monograph*. Knigodel, 327–335. Series «The natural world in the space of culture». (In Russ.).
20. Pozdnyaeva, T. (2007). *Woland and Margarita*. Amfora. (In Russ.).
21. Orlov, M. (1991). *The history of human relations with the devil*. ACT, Terra Fantastica. (In Russ.).
22. Vishnevskaya, Yu. (2004). *The Bulgakov Encyclopedia*. (In Russ.). <http://www.vixri.ru/d2/Bulgkovskaja%20enciklopedija.%20M.,%202006.%20356%20s.pdf>
23. Chernyh, P. Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the Russian language: in 2 vol.* Vol. 1. Russkij yazyk. (In Russ.).
24. *Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang*. (2014). (In Russ.). <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-195-2.htm#zag-1137>
25. Nesterov, A. N. (2023). *Dorogomilovsky necropolis*. (In Russ.). <http://ost1000.narod.ru/dorog.htm>
26. Tul'ceva, L. A. (1982). The symbolism of the sparrow in rituals and ritual folklore (in connection with the question of the cult of birds in the agrarian calendar). *Rituals and ritual folklore*. Nauka, 163–179. (In Russ.).
27. Lesskis, G. A., & Atarova, K. N. (2023, April 20). *Moscow – Yershalaim. Guide to the novel by M. Bulgakov «The Master and Margarita»*. (In Russ.). <http://m-bulgakov.ru/publikacii/moskva-er-shalaim-putevoditel-po-romanu-bulgakova-master-i-margarita>
28. Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language*. Vol. 1–4. Russian language. (In Russ.). <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
29. *Interpretations of the Holy Scriptures*. (2010–2023). (In Russ.). <https://bible.optina.ru/old:ps:101:08>
30. Tolstoj, N. I. (Ed.). (2009). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.* Vol. 4. Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
31. Fedotov, O. I. (2019). The Swallow as a mythologeme of the soul. (Intertextual connections of Khodasevich's «Swallows»). *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language: collective monograph*. Knigodel, 165–180. Series «The natural world in the space of culture». (In Russ.).

32. Filindash, N. F. (2019). The image of a dove in the sacral sacristy of Orthodoxy. *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language*: collective monograph. Knigodel, 424–435. Series «The natural world in the space of culture». (In Russ.).

33. Donald, F. Lach. (2010). *Asia in the Making of Europe. Vol. II: A Century of Wonder. Book 1: The Visual Arts*. (In English).

34. Langdon, G. (2006). *Medici Women: Portraits of Power, Love and Betrayal from the Court of Duke Cosimo I*. University of Toronto Press. (In English).

35. Kazmirchuk, O. Yu. (2022). The specifics of the interpretation of the image of birds in the poem by Yu. D. Levitansky «Birds» from the poetic book «Cinema». *Intersections of interactions: a dialogue of Russian and foreign literature in time and space*: materials of the Eighth International Scientific Readings. Part 1, 65–75. (In Russ.).

Информация об авторе

Ирина Викторовна Якушевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Irina V. Yakushevich — Doctor of Philology, Professor, Full Professor of English Philology Department, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.